

Г.Е. Козловская*

**ЭВОЛЮЦИЯ РЕГИОНАЛЬНОЙ ЭЛИТЫ КУЙБЫШЕВСКОЙ ОБЛАСТИ
В 1960-Е – 1990-Е ГГ.: ВОПРОСЫ ИСТОРИЧЕСКОЙ РЕКОНСТРУКЦИИ**

Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ и Правительства Самарской области в рамках проекта проведения научных исследований «Региональные элиты: типология, процессы формирования, модели включенности в политическую, экономическую, социокультурную сферы Самарской (Куйбышевской) области в 1960-1990-е гг.», проект № 13-11-63002 а(р)

полне закономерно, что проблематика региональной элитологии вышла на первый план научного поиска именно в конце 1980-х – начале 1990-х годов, в период сложной внутрироссийской общественной трансформации. Вопрос, по сути, был поставлен на повестку дня самой жизнью, происходившими в России кардинальными переменами.

Однако со временем общим местом в рассуждениях российских элитологов стало замечание о том, что «верхушка» новой социальной элиты была плоть от плоти прежней, советско-партийной элиты, основу властных полномочий которой составили овладение и юридическое закрепление прав на государственную собственность, превращение ее в частную¹. Как указывает один из основателей российской элитологии Г.К.Ашин, «Во многих регионах страны... дело обошлось в основной заменой кадров в самых верхних эшелонах власти, а то и просто ограничилось снятием наиболее одиозных фигур. В средних и низших эшелонах власти сохранилась прежняя партийно-советская номенклатура»².

По мнению специалистов, в 1990-е годы, несмотря на существенное изменение территориально-государственного устройства России, механизмов формирования политических элит (на смену принципу назначения пришли выборы) и характера взаимодействия федеральной и региональной элит, федеральный центр сохранил приоритет в отношениях с региональными элитами. При этом при внешней радикальности свершивших в эпоху перестройки перемен, де-факто в настоящее время имеет место «реконструкция формальных элементов советской политической системы, в том числе, свойственной советской системе высокой степени концентрации политических ресурсов»³.

Эти заключения вполне применимы и к Куйбышевской/Самарской области. По данным Э.Б.Куприянычевой, в конце 1990-х годов в самарском регионе 84% представителей политической элиты являлись бывшими хозяйственниками, советскими и партийными работниками. При этом многие из них скрывали свою принадлежность к прежней номенклатуре⁴.

---

* © Козловская Галина Ефимовна, доктор исторических наук, профессор, директор Самарского филиала Московского государственного педагогического университета

В настоящее время специалисты также отмечают явную тенденцию к «закупорке» каналов рекрутирования региональной элиты⁵, то, что движение номенклатурных кадров в основном происходит внутри элиты, а не пополняется свежими кадрами извне⁶.

Очевидно, что в 1990-е годы региональные элитные группы получили несоизмеримо большие возможности для реализации собственных устремлений по сравнению с предшествующим историческим периодом⁷. Современные исследователи ввели понятие «сложного феномена регионального вызова»⁸ для обозначения неоднозначных процессов противостояния федерального центра и регионов, имевшего место в 1990-е годы.

Можно заключить, что проблематика изучения региональных элитных групп, в особенности политической, имеет, прежде всего, исключительно важное практическое значение, дает возможность представителям властных структур принимать грамотные управленческие решения.

С этим аспектом проблемы также связан и ее теоретический аспект, представляющий интерес для познания цивилизационных параметров развития России, для моделирования исторических процессов в прошлом, и, быть может, в будущем. Изучение феномена региональных элит значимо при условии понимания элиты как субъекта модернизации, которого отличает наличие стратегического (тактического) проекта, «реализующего собственные (а не внешние) интересы и цели», а также наличие политической воли для его реализации⁹. Один из ведущих специалистов в области методологии исторической науки Э.С.Кульпин-Губайдуллин также предлагает рассматривать в качестве ведущих доминант, определяющих логику и результаты модернизации российского социума, не только факторы знания, свободного труда, целесообразности, но и фактор личности и ее воли.

Однако приходится констатировать, что в сознании современной российской элиты не заложена такая ценность, как «развитие», так как исторически модернизация была всегда связана с чистками «самого политического класса, призванными обеспечить максимальную эффективность управленческого аппарата в качестве агента модернизации»¹⁰.

Указанные обстоятельства также убеждают специалистов в необходимости проведения исследований в данной области.

В настоящий момент существует весьма обширная литература, рассматривающая различные аспекты российской элитологии как науки, изучающей элитные группы и категории, методики и понятийный аппарат, методологию проблемы.

Общие тенденции существования советской элиты рассматривались рядом исследователей. К примеру, К.Г.Ашин предлагает рассматривать эволюцию советской элиты как четырехступенчатую поколенческую трансформацию: «ленинская гвардия», сталинисты, элита бюрократии и партийных функционеров эпохи Хрущева и Брежнева, «перестроечная» элита¹¹.

О.Крыштановская квалифицированно рассуждает о каналах рекрутирования элит, их партийном и номенклатурном прошлом. Она же предлагает свою характеристику специфических черт советской элиты, а именно:

номенклатурность, монолитность, иерархичность, отсутствие самовоспроизводства, географическая мобильность, внутренняя ротация, развитая система привилегий¹².

Особый интерес в контексте данного исследования могут представлять идеи и материалы пермского автора В.П.Мохова, который одним из первых проанализировал этапы становления советской элиты, увязав их с общими тенденциями развития СССР-России. Особенностью его трудов является прекрасное владение источником, умение его препарировать, высокий уровень аналитичности и разработка собственной методики исследования тенденций существования региональной элиты. Нарботки В.П.Мохова представляют собой одну из отправных точек для развития региональных исследований, а также для компаративного анализа¹³.

Однако подавляющее большинство общероссийских работ написаны в политологическом и социологическом ключе, с минимальным историческим экскурсом и, как правило, без применения исторических методов исследования. Исключение составляют вышеуказанные работы и ряд региональных исследований. Весьма востребованными являются вопросы изучения процессов консолидации, трансформации различных групп региональных элит (бизнес-элиты, политический, образовательной), их взаимодействия между собой и с федеральным центром.

Региональные исследования, касающиеся Куйбышевской-Самарской области, не отличаются разнообразием. Одной из первых и, на наш взгляд, весьма удачных попыток, изучения местных элитных групп является статья Э.Б. Куприянычевой «Особенности политической элиты Самарской области»¹⁴. В ней впервые была предложена систематизация, типология самарской элиты, корректно выделены проблемы. Однако не бесспорными выглядят типичные черты региональной элиты и, как и во многих других случаях, в работе речь идет практически только о политической элите.

Обстоятельный анализ региональных социологических работ по вопросам элитологии представлен в публикации Д.В.Покатова. Ученый выделяет группу публикаций, посвященных региональным сюжетам¹⁵, но практически все они касаются современных реалий и слабо увязаны с историей. Особо отмечается работа А.К.Магомедова, которая направлена на сравнительно-сопоставительный анализ политических элит Поволжья, но в списке рассматриваемых областей Самарская-Куйбышевская отсутствует¹⁶. Политологические, социологические материалы по современным процессам, протекающим в Приволжском федеральном округе, имеются, но они написаны в сугубо политологическом или социологическом ключе, и затрагивают, как правило, политическую элиту.

О.Крыштановская и другие специалисты отмечали наличие в высших эшелонах власти в СССР значительного числа выходцев из регионов, ограниченное количество москвичей на высших должностях¹⁷. Как показывают уже имеющиеся региональные наработки, Куйбышевская область была одним из регионов, регулярно поставлявших в столицу кадры, занимавшие ключевые посты в различных (и не только властных) структурах¹⁸.

Важные рассуждения общего характера, освещающие события в регионе в 1960-1980-е годы, содержатся в серьезных краеведческих исследованиях¹⁹. Отдельные аспекты проблемы, в частности, касающиеся образовательной элиты региона, можно обнаружить в работах П.С.Кабытова, Г.Е.Козловской, И.А.Носкова²⁰.

Подводя итог историографическому обзору, отметим, что в настоящее время при всем разнообразии современных политологических, социологических исследований, системного изучения региональных элит, каналов их эволюции не проводится. С нашей точки зрения, не в последнюю очередь это связано с отсутствием государственных инициатив в этой области: как правило, ученые в регионах, занимающиеся данной проблематикой, сами являются инициаторами исследований.

Для корректной постановки целей и задач нашего исследования также весьма важен вопрос *терминологии*, который на сегодняшний день является одним из наиболее спорных. Существует масса определений категорий «элита»²¹ и «региональная элита».

Так, О.Крыштановская обозначает региональную элиту как «сквозную», функциональную группу элиты, отделяя ее от бизнес-элиты, партийной элиты, высшего руководства и других групп²². Специалист не выделяет как отдельный объект изучения научно-образовательную элиту.

А.Е.Чирикова, руководствуясь функциональным подходом, предлагает расширенное толкование термина «региональная элита», представляя ее как две ведущие группы – властную или административно-политическую элиту и экономическую или бизнес-элиту. Властная элита – группа, отвечающая за подготовку, принятие и реализацию важнейших стратегических решений в политической сфере, ограниченной региональным пространством, обладающая необходимым ресурсным потенциалом. Она согласует свои решения с центром и местными органами власти. Бизнес-элита – «слой, занимающий ключевые позиции во владении и распоряжении собственностью и контролирующей определенную часть промышленного, финансового и коммерческого капитала преимущественно внутри своего региона»²³.

В ее же трактовке функции региональной элиты заключаются в том, что она: 1) проводник общефедеральных идей на местном уровне, реализует их на конкретном уровне; 2) представляет на уровне центра интересы регионов, так как имеют более тесную связь с «внеэлитными группами»; 3) источник рекрутирования²⁴.

Казаков М.А., Лысцев М.С. предлагают считать региональной политической элитой Российской Федерации – совокупность разносплоченных доминирующих групп территорий, непосредственно осуществляющих функции управления и руководства властными отношениями в социально-политических границах регионов²⁵. Куприянычева Э.Б. определяет политическую элиту как «группу лиц, участвующих в выработке, принятии политических решений или влияющих на процесс их реализации на уровне региона»²⁶.

Наиболее полное определение региональной политической элиты (РПЭ) дает В.П. Мохов, утверждающий, что РПЭ – это «лидеры властных структур региона, обладающие: 1) основным объемом прав и полномочий в выработке и принятии решений (в том числе по кадровым назначениям и перемещениям), контролем за их исполнением, оценками результатов деятельности; 2) собственным аппаратом политических работников; 3) определенным комплексом ценностей, установок, мировоззренческих ориентиров; 4) особым образом жизни и поведения».

В дальнейшем мы будем придерживаться определения и функций региональной политической элит, данных Моховым и Чириковой. Под понятием «научно-образовательной элиты региона» мы подразумеваем группу лиц, определявших конкретные формы, методы и результаты работы научных институтов, высших учебных заведений различных профилей, иных образовательных и культурных учреждений, имевших тесную связь с партийной и советской номенклатурой, директорским корпусом промышленных предприятий города и области. Научно-образовательная элита, с одной стороны, формировалась под влиянием политической элиты, и, в свою очередь, являясь источником рекрутирования последней.

Цель данного проекта – выявление динамики эволюции различных групп (политической, научно-образовательной) региональной элиты и анализ влияния ее деятельности на развитие Куйбышевской области в 1960-е – 1980-е годы. Достижение цели возможно при решении следующих задач:

1/изучение социальных, образовательных характеристик представителей региональной элиты;

2/ характеристика тенденций взаимодействия между различными группами элит;

3/ анализ динамики взаимоотношений с федеральным центром;

4/ изучение влияния долгосрочных и краткосрочных политических, экономических, социальных факторов на характер деятельности региональной элиты.

Остановимся подробнее на ключевых *проблемах исследования*. С нашей точки зрения, в анализе региональной политической элиты следует исходить из того, что в указанный исторический период стал очевиден процесс усиления позиций региональной элиты в противовес центру. Также существенно изменился характер деятельности: от креативности управленцев 1920-х–1930-х годов в сторону воспроизводства норм и практик, когда региональные лидеры все больше играли роль ретранслятора решений центра.

Важно проанализировать, какие ценности и критерии были ведущими для достижения определенной степени иерархии. Если в настоящее время ведущим критерием выдвижения человека является не столько личные качества и поддержка масс, сколько поддержка бизнес-структур, какова были иерархия критериев в советский период?

По мнению исследователей (М.Восленский, М.Афанасьев) ведущими критериями были «исполнительность» и «отношения личной преданности и покровительство».

Крупный российский элитолог Г.К.Ашин полагал, что именно с «загнивания, деградации элиты» начался общественный «застой» брежневского периода российской истории. Ментальные изменения дряхлеющей элиты, несоответствие между мышлением представителей элиты и задачами развития страны стали основой кризиса конца 1980-х –начала 1990-х гг.²⁷

Отсюда вытекает важная научно-практическая проблема: можно ли предположить, что в предшествующий период возможна была обратная ситуация – эффективная деятельность, особая конфигурация элит (в том числе местных) был залогом положительных сдвигов, результативности, успешных результатов в различных сферах общественной жизни, в экономике, культуре?

Междисциплинарный подход (см. ниже) не позволяет нам сводить к одному знаменателю всю сумму факторов, объективно влияющих на исторический процесс. Ментальность элиты, политическая воля элиты, в свою очередь, развивались в рамках общества, испытывали на себе ее воздействие, были порождением системы социально-экономических, общественных отношений. Сам Г.К.Ашин ниже отмечает, что смена элит отнюдь не является детерминантой исторического процесса, он лишь сопровождает переход от одной социально-политической системы к другой²⁸.

Итак, в своих рассуждениях мы будем исходить из того, что центральная и региональная политическая элита была продуктом эпохи, в свою очередь, процессы, происходившие внутри нее, ускорили процесс распад советской политической и государственной системы.

Переходя к анализу ключевых тем изучения культурно-образовательной элиты, отметим, что общеизвестной является тенденция на технократизацию мышления руководства страны в данный период. Государство делало ставку на управленцев-технократов, техническую интеллигенцию и результатом этого стала односторонность развития общества в целом (в ущерб гуманитарному началу), которая ускорила процесс деформации элиты на всех ее уровнях. В.А.Мясоедова справедливо отмечает, что сокращение дисциплин гуманитарного цикла, их зашоренность и идеологизация при одновременном увеличении доли технических дисциплин привели к технократизации мышления²⁹.

Очень важным аспектом проблемы является взгляд на систему образования в Куйбышевском регионе как на социальный лифт, источник пополнения рядов региональной элиты. Действительно, специалисты отмечают, что в СССР «в системе высшей школы существовали элитные учебные заведения, которые можно позиционировать как закрытые социальные лифты для рекрутирования советской элиты. К их числу относятся как партийные, профсоюзные школы, так и ряд гуманитарных и технических вузов»³⁰. Подобные исследования в регионе до настоящего времени не проводились.

Решение вышеуказанных проблем, в свою очередь, поможет сформулировать ответы на более фундаментальные вопросы:

· в чем специфика и типичность кадрового потенциала Куйбышевского-Самарского региона по сравнению с другими?

· какие из результатов деятельности элиты могут быть оценены положительно/ отрицательно?

· в более широком смысле: какие нормы, правила, стереотипы взаимоотношений государства-общества-элиты советского (досоветского) периодов влияют на оценку прошлого и современного положения элит разного уровня?

Немаловажно и то, какой *методологический подход* может быть задействован в исследовании. В настоящее время споры ведутся вокруг корректности двух ведущих концепций – структурно-функционального и ценностного (интеллектуально-психологического) подхода.

Структурно-функциональный подход в качестве главного критерия выдвигает социальный статус человека, его роль в системе властных структур, возможность влиять, в частности, на процесс принятия и реализации политических решений³¹. Однако в такой или подобной формулировке не учитывается результативность работы, которая должна быть одним из безусловных критериев любой деятельности. К тому же односторонность, подразумевающая недооценку морально-этической стороны самой элиты и ее деятельности, сыграла не последнюю роль в ухудшении условий жизни и развития российского общества и государства в начале 1990-х годов.

Сторонники ценностного подхода говорят о том, что главное – наличие духовных качеств, аристократизма, специфических личностных характеристик, ведущую роль играет фактор личностного превосходства. Лидера отличает особый набор социопсихологических качеств. Эта позиция также является весьма уязвимой, так как фактически не учитывает роль социальных факторов и, как и в предыдущем случае, результативность деятельности лидера.

В своих рассуждениях мы будем исходить из предложенного В.В.Степанковым третьего концепта, объединяющего оба подхода, «... Однако приоритетным в выделении «политической элиты» правящего класса считаем не ее морально-этические ценности, а **эффективность** (выделено нами. – В.С.) решения проблем жизни общества и развития государства.

Именно в этом и состоит «ценность ценностного подхода», что дает нам основание высказать предположение о возможности существования третьего подхода к толкованию сущности «политической элиты», условно нами названного **ценностно-меритократичным** (выделено нами. – В.С.). Его сущность заключается в том, что он позволяет считать «политической элитой» не просто привилегированную группу лиц, задействованную во властных структурах или отличающуюся «духовным аристократизмом», а ту «функционально объединенную» правящую верхушку общества, которая эффективно (качественно) выполняет свои властно-политические функции, а значит имеет заслуги и перед обществом и перед государством...»³².

Переходя к анализу *методики исследования* куйбышевской элиты, отметим, что особую роль играет комплексный, междисциплинарный, подход. Даже в самых первых работах элитологов периода 1990-х годов отмечалась важность подобного взгляда на историю региональной элиты «с уче-

том исторических условий ее формирования и особенностей системы, составной частью которой она является»³³.

Таким образом, рассматривать необходимо элиту не как феномен, замкнутую систему, обладающую набором неизменных характеристик, а как часть общеисторического процесса, социума, представители которого плоть от плоти российской цивилизации, носители ее ценностных ориентиров. Элита своими усилиями могла стимулировать или, напротив, затруднять модернизационные процессы, но при этом она находилась в рамках, очерченных цивилизационными характеристиками России (ментальностью, природно-географическими факторами, специфическими нормами общественных, экономических отношений и пр.).

Методы анализа проблемы трансформации региональной элиты не являются четко очерченными, однозначными и устоявшимися. В этом вопросе историки, также как и политологи, социологи, сталкиваются с объективными трудностями, среди них: 1) размытость границ между различными элитными группами; 2) особое влияние неформальных связей и отношений, которые приводят к несоответствию формального и неформального статуса изучаемого представителя элиты.

Поэтому очевидно, что для объективного анализа потребуется комплексный подход, сочетание различных количественных и качественных методов, соединение методов исторической реконструкции, работок социологии и политологии. Прежде всего, безусловно, необходимо провести статистический подсчет, сравнение биографий представителей различных элитарных групп по следующим категориям:

- отраслям деятельности (партийные, советские работники, хозяйственные руководители, руководители учебных заведений и НИИ, руководители общественных организаций, работники культуры, работники силовых структур и пр.);
- уровням власти (областной, городской, районный);
- территориям (областной центр, территории области);
- уровню образования;
- социальному происхождению;
- принадлежности к партии.

Необходимо провести количественный подсчет и выявить динамику численности изучаемых категорий элиты.

Среди наиболее эффективных качественных методов отметим т.н. мягкое интервью, о достоинствах которого авторитетно рассуждает А.Е.Чирикова³⁴.

Опубликованными *источниками*, которые могут пролить свет на поставленные вопросы, являются разнообразные по характеру краеведческие публикации. Прежде всего необходимо упомянуть справочные издания, содержащие биографические данные о жизни политических деятелей, специалистов мира науки, культуры. К этому типу работ относится, к примеру, книга Ю.А.Чухонкина о руководителях города Самары с 1918 по 2010 гг.³⁵, написанный на богатом архивном материале справочник о партийных лидерах, первых секретарях, области³⁶. Этапы карьерного роста современ-

ных политических деятелей губернии, среди которых много выходцев из советской системы, можно проследить по книге, посвященной истории Самарской Губернской Думы³⁷.

Отдельного упоминания заслуживают издания того периода, затрагивавшие историю партийных и комсомольских организаций области³⁸. Несмотря на их явную идеологическую зашоренность, они могут служить вспомогательным источником для реконструкции сюжетов политической, общественной жизни региона, так как содержат статистические и биографические данные.

Большой интерес также могут представлять воспоминания тех или иных персон³⁹, а также книги – описания карьерных достижений различных заслуженных куйбышевцев⁴⁰. Отдельные данные, касающиеся наиболее ярких партийных деятелей, можно обнаружить в местной прессе (газеты «Волжская коммуна», «Самарская газета» и пр.). При всей значимости этих и им подобных публикаций необходимо четко понимать, что справочники, мемуары не могут быть полноценным и единственным источником информации.

Наименее проработанным и требующим исследовательского внимания выглядит блок архивных источников, хранящихся в региональных и центральных архивах. В числе наиболее перспективных и востребованных в контексте данного исследования следует назвать документы, хранящиеся в Самарском областном государственном архиве социально-политической истории (СОГАСПИ, г.Самара). Это, прежде всего, документы партийного учета (учетная карточка, личное дело и пр.) представителей различных категорий управленцев, общественно значимых фигур области, подавляющее большинство которых не могли не состоять в рядах партии.

Интересны для изучения и делопроизводственные документы, протоколы, первичных партийных организаций, статистика возрастного, социального, образовательного состава членов КПСС и ВЛКСМ. Особую важность могут также представлять общие и региональные данные о кадровом составе работников области, содержащиеся в фонде ЦК КПСС Российского государственного архива социально-политической истории (РГАСПИ, г.Москва).

В заключение следует отметить, что проблема существования региональной куйбышевской элиты последних десятилетий советской власти является малоизученной. Однако это продиктовано не столько незначительностью проблемы, ее практическая и научная актуальность действительно велика, сколько слабой проработкой методики и источниковой базы. Имеющиеся общие и краеведческие работы, опубликованные источники дают примерное представление о наиболее значимых фигурах, но практически не содержат количественного и качественного анализа различных элитных групп.

Вместе с тем, востребованность проблематики, имеющиеся методологические наработки и наличие пласта не введенных в научный оборот архивных материалов позволяют надеяться на то, что в ближайшей перспективе могут быть выявлены и объективно оценены тенденции развития и деятельности региональной элиты Куйбышевской области в 1960-е – 1980-е гг.

Примечания

¹ Крыштановская О.В. Анатомия российской элиты. М.: Захаров, 2005; Гаман-Голутвина О.В. Политические элиты России. М.: РОССПЭН, 2006; Ее же. Региональные элиты России: теоретические модели и практики. М.: Имидж-контакт, 2004; Алехнович С.О. Регионы России: современный ракурс и перспективы. М.: РАЕН, 2007; Кочетков В.В. Российская элита и модернизация политической системы: Монография. М.: Инфра-М, 2013. 79 с.; Куколев И.В. Трансформация политических элит в России // *Общественные науки и современность*. 1997. №4. С.82–91; Лапина Н.Ю. Региональные элиты России: кто правит на местах // *Россия и современный мир*. 1998. Вып. 1(18); Лапина Н.Ю., Чирикова А.Е. Стратегия региональных элит: экономика, модели власти, политический выбор. М.: ИНИОН, 2000; Магомедов А.К. Мистерия регионализма. Региональные правящие элиты и региональные идеологии в современной России. М., 2000 и др.

² Ашин Г.К. Основы политической элитологии. М.: «Либроком», 2013. С.455.

³ Элиты и лидеры: традиционализм и новаторство/ Отв.ред. Е.Ю.Сергеев. М.: Наука, 2007. С.30.

⁴ Куприянычева Э.Б. Особенности политической элиты Самарской области // *Полис*. 1999. №3. С.117.

⁵ Там же. С.118.

⁶ Крыштановская О.В. Трансформация старой номенклатуры в новую российскую элиту // *Общественные науки и современность*. 1995. №9. С.51–65.

⁷ Чирикова А.Е. Региональные элиты России: Учебное пособие для студентов вузов. М.: Аспект Пресс, 2010. С.44-46.

⁸ Афанасьев М. Региональный вызов: Правящие региональные группировки в российском политическом процессе // *Трансформация российских региональных элит в сравнительной перспективе*. М.: МОНФ, 1999. С.10–16.

⁹ Элиты и лидеры. . . С.22.

¹⁰ Там же. С.24.

¹¹ Ашин Г.К. Элитология: история, теория, современность: Монография. М.: МГИМО-Университет, 2010. С.420, 421.

¹² Крыштановская О.В. Трансформация старой номенклатуры в новую российскую элиту. . . С.52–53.

¹³ Мохов В.П. Региональная политическая элита России (1945-1991). Пермь, 2013; Его же. Трансформация региональной политической элиты в переходный период: некоторые тенденции // *На путях политической трансформации*. М.: МОНФ, 1997. Вып.8. Ч.2. С.80–92; Его же. Эволюция политической элиты России (1950-1990). Пермь, 1998.

¹⁴ Куприянычева Э.Б. Указ.соч.

¹⁵ Покатов Д.В. Указ.соч. С.38.

¹⁶ Там же. С.39.

¹⁷ Крыштановская О.В. Трансформация старой номенклатуры в новую российскую элиту. . . С.53.

¹⁸ Самарцы в Москве: страницы истории самарского землячества / Рябов В.В., Кабытов П.С., Козловская Г.Е. и др. Самара: ООО «Офорт», 2011. 244 с.

¹⁹ Наякшин К.Я. Очерки истории Куйбышевской области. Куйбышев: Куйб.кн.изд-во, 1962; История Самарского Поволжья с древнейших времен до наших дней. XX век (1918-1998). М.: Наука, 2000 и др.

²⁰ Кабытов П.С. Система повышения квалификации и переподготовки работников образования в Среднем Поволжье. Самарский регион: история и современность. (1933-2008 гг.). Самара: ГОУ СИПКРО, 2008; Козловская Г.Е. Российское образование на рубеже

веков. М.: МГПУ; ОАО «Моск.уч.», 2001; Марченко Г.И., Носков И.А. Имидж в политике. М.: ВЛАДОС, 1997.

²¹ Крыштановская О.В. Трансформация старой номенклатуры в новую российскую элиту... С.51.

²² Чирикова А.Е. Указ.соч. С.52–53.

²³ Там же. С.48, 49.

²⁴ Казаков М.А., Лысцев М.С. Региональные элиты и национальные интересы современной России: Монография. Н.Новгород: «Дятловы горы», 2012. С.14; см. также: Казаков М.А. Процесс становления региональных политических элит России: монография. Н.Новгород: Изд-во ВВАГС, 2010.

²⁵ Куприянычева Э.Б. Указ.соч. С.116.

²⁶ Ашин Г.К. Элитология: история, теория, современность... С.432.

²⁷ Там же. С.453.

²⁸ Мясоедова В.А. Образование как социальный лифт элитогенеза современной России: Монография. М.: МАКС Пресс, 2012. С.171.

²⁹ Там же. С.173.

³⁰ Охотский Е.В. Политическая элита. М.: Луч, 1993. С.11.

³¹ Степанков В.В. Политическая элита в истории: проблема определения сущности// Вестник Удмуртского университета. Серия «История и филология». 2013. №3. С.112–117 (URL: http://vestnik.udsu.ru/2013/2013-053/vuu_13_053_16.pdf, дата обращения – 20.09.2013).

³² Куприянычева Э.Б. Указ.соч. С.116.

³³ Чирикова А.Е. Указ.соч. С.38–39.

³⁴ Чухонкин А.Ю. Руководители города Самары (Куйбышева) с 1918 года: Биографический справочник. Самара: ООО «Самарский дом печати», 2010. 160 с.

³⁵ Коммунистическая партия в портретах ее самарских лидеров. 1917–1991 гг. Биографический справочник. Самара: ООО «БМВ и К», 2010. 204 с.

³⁶ Самарская Губернская Дума. 15 лет (1994–2009). Самара: «ДСМ Принт», 2009. 256 с.

³⁷ Очерки истории Куйбышевской организации КПСС. Куйбышев: Куйб.кн.изд-во, 1983. 520 с.; Шагай вперед, комсомольское племя: Очерки истории Куйбышевского комсомола. Куйбышев: Куйб.кн.изд-во, 1974. 383 с.

³⁸ Мельник С. Улицы памяти. Тольятти: Фонд «Духовное наследие», 2005. 152 с.

³⁹ Имена и судьбы. Самара: «Волжская коммуна», 2001. 457 с.; Имена. Самарская губерния: лица эпохи. Самара: «Европринт», 2002. 136 с.; Имена. События. Легенды: Энциклопедия Самарской губернии. Самара: «Агни», 2011. 207 с.; Самарцы в Москве: страницы истории самарского землячества...; Тольятти. Истории успеха. Тольятти: «Ника», 2011. 223 с.

⁴⁰ Там же.